

Ахметжанова А.И.
**Руническое письмо
как хранитель исторической
информации**

В данной статье рассматривается проблема тюркской филологии, которая существует почти тысячу лет. Тема посвящена целому комплексу географических, хронологических и содержательных признаков-памятников, где древнетюркские рунические письма являются краеугольным камнем. Исследуемая тема указывает особенности ареалов жизни древних тюркоязычных этносов, таких как среднезападная и средневосточная части современной Монголии, Восточный Туркестан и Северо-Западный Китай, Алтай, Тува, Хакасия, Киргизия, Восточная Европа, Северный Кавказ, Дон. Большая часть темы представляет собой надежный исторический источник, что особенно ценно для изучения филологов, историков.

Ключевые слова: руническое письмо, рукопись, памятник Кюльтегин, тюркская словесность, наука, письменные знаки, лингвистические особенности.

Ahmetzhanova A.I.
**Runic letter as the guardian of
the historical information**

This article deals with the problem of Turkic philology, which has existed for almost a thousand years. Subject is dedicated to a whole range of geographical, historical and meaningful signs, monuments, where the Old Turkic alphabet are the cornerstone. The study theme specifies particular areas of life of ancient Turkic-speaking ethnic groups: in addition to the basic and original key of the letter – are the Midwest and Middle Eastern part of modern Mongolia, Eastern Turkestan and northwest China, Altai, Tuva, Khakassia, Kirghizia, Eastern Europe, North Caucasus, Don. Most of the threads is a reliable historical source, which is particularly valuable for the study of philologists and historians.

Key words: runic script, manuscript, Monument Kul-tegin, Turkic literature, Science, written signs, linguistic features.

Ахметжанова А.И.
**Руникалық жазу тарихи
ақпаратты сақтау көзі ретінде**

Мақалада мың жылға жуық қолданылып келе жатқан түрік филологиясының мәселелері қарастырылады. Тақырып ежелгі түрік руникалық жазулары іргетас болып табылатын географиялық, хронологиялық және маңызды белгі-ескерткіштер кешеніне арналған. Зерттеліп отырған тақырып ежелгі түркітілдес халықтардың өмірлік ерекшеліктерін көрсетеді: негізгімен қатар бұл жазу Моңғолияның батыс пен шығыс бөлігін, Шығыс Түркістан, Солтүстік-Батыс Қытай, Алтай, Тува, Хакасия, Киргизия, Шығыс Европа, Солтүстік Кавказ, Донда бастапқы кілт болып табылады. Тақырыптың басым бөлігі филологтар мен тарихшылар үшін бағалы тарих көздеріне арналған.

Түйін сөздер: руникалық жазу, қолжазба, Күлтегин ескерткіші, түрік әдебиеті, ғылым, жазба белгілері, лингвистикалық ерекшеліктер.

РУНИЧЕСКОЕ ПИСЬМО КАК ХРАНИТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Тюркская филология, как наука существует почти тысячу лет, ведя свой отсчет с великого творения гуманитарной мысли XI в. – Словаря Махмуда, сына Хусейна, внука Мухаммеда, родом из Кашгара, более известного как Махмуд Кашгарский. Однако всю свою широту и богатство тюркская филология открыла миру лишь в последние 120 лет, когда в научный оборот были введены все важнейшие памятники древних письменностей – рунические, уйгуро- и брахми-письменные и др. В этот же период, в 1915 г., был вновь обретен и бесценный «Диван» Кашгарского, утерянный из виду наукой на долгие 700 с лишним лет.

В зеркале открытий конца XIX – начала XX вв. мир, главным образом европейский, увидел в глубинах времен в далекой Центральной Азии не только бесконечно воевавшие друг с другом и со всеми вокруг племена тюркоязычных кочевников – тюрков, тюркешей, уйгуров, кыркызов, курыкан, чиков и др., но и обнаружил цивилизацию с такими ее несомненными атрибутами, как упорядоченное социальное устройство, политическая система, военная организация, международные отношения и т.д. В том числе и такой важнейший цивилизационный признак, как наличие письма и образцов словесной культуры. При этом особого внимания заслуживает такой, отнюдь не мало важный факт: если все системы письма в истории тюркоязычных народов, начиная с так называемого древнеуйгурского, а также брахми, тибетского, арабского, армянского, латиницы и кириллицы, были заимствованы у других народов, то письмо руническое является оригинальной системой, изобретенной тюрками и употреблявшейся только ими. Древнетюркское руническое письмо отличается оригинальностью своего облика и устройства. Оригинальность заключается в преобладающей прямолинейности и простоте графического построения алфавитных знаков, в отсутствии у них соединений с соседними буквами на письме и в необычной системе орфографии, увязанной со структурой алфавита. В последнем случае, имеется в виду, парность букв для велярных и палатальных согласных, невыписывание гласных в аффиксах и широких *a/э* в корне – эти особенности алфавита и орфографии вместе с простотой и прямолинейностью знаков неумолимо указывают на ориенти-

рованность этого письма быть средством написания текстов на камне.

Но не только по причине оригинальности письма, но и по целому комплексу географических, хронологических и содержательных признаков памятники древнетюркского рунического письма являются краеугольным камнем в фундаменте тюркской филологии. Имеются некоторые основные признаки этого их качества.

1. Древнетюркское руническое письмо распространилось на значительное число ареалов жизни древних тюркоязычных этносов: наряду с основным и исходным ареалом этого письма – среднезападной и средневосточной частями современной Монголии, это и Восточный Туркестан в современном Северо-Западном Китае как историческое продолжение монгольского центра руники, это также регион Саяно-Алтая, включая современные Туву, Хакасию и Горный Алтай, далее – единичные надписи по р. Лене, Таласская долина в современной Киргизии, Восточная Европа, где единичные надписи орхонскими рунами сочетаются с заметным числом надписей, похожих на классические руны знаками не прочитанного все еще письма с Северного Кавказа и с р. Дон.

2. На перечисленных ареалах памятники древнетюркского рунического письма фиксируются на протяжении достаточно длительного времени – приблизительно 400 лет, хотя в основном монгольском регионе распространения создавались в течение примерно полутора веков.

3. Указанные выше особенности графем и орфографии согласуются с тем фактом, что подавляющее большинство надписей руническим письмом были высечены, выгравированы, процарапаны на стелах, валунах и скалах. Их общее число по всем регионам, видимо, превышает теперь уже три сотни. Меньшая часть из них, всего несколько процентов, является посетительскими надписями, но все остальное – это надписи поминальные, по случаю утраты своих правителей, полководцев, знатных лиц. А это значит, что все они – тексты ситуативно-сочиненные, оригинальные, не переводные (в отличие от большого числа переводных сочинений, главным образом религиозного содержания, из Восточного Туркестана, включая уникальный рунический текст на бумаге – «Гадательную книгу»). Все рунические камнеписные тексты отражают живую речь тюрков того времени, хотя бы и облеченную во многих случаях в формы межтюркского литературного койне, т.е. здесь осуществляется принцип лингвоаутентизма.

4. Текстуально пространные из числа древнетюркских рунических эпитафийных надписей (это прежде всего орхон-тюркские и орхон-уйгурские, в гораздо меньшей степени – енисейские) содержат конкретные данные из жизненного пути мемориантов. Когда мемориантом является каган или государственного масштаба полководец, тогда личное повествование закономерно превращается в историю государства. И поскольку в качестве положительно оцениваемых деяний реальных лиц могут быть лишь реальные события, по этой причине определенная часть древнетюркских рунических надписей – а по суммарной величине текстов – большая часть представляет собой надежный исторический источник. Причем, что особенно ценно, источник аутентичный, составленный не внешними наблюдателями, а изнутри, теми людьми, кто знал и был свидетелем описываемых событий.

5. Среди рунических памятников много рядовых, ничем особо не примечательных эпитафий, но есть и истинные шедевры тюркской словесности, такие, как надписи в честь Кюльтегина, Тоньюкука, Кюли-чора, в которых сочетаются и публицистичность в оценке исторических и политических коллизий, и эпичность в повествованиях о ратных подвигах героев, и лиризм в их оплакивании. И все это ярким, отточенным, определенно можно сказать – литературным языком.

6. И последняя по перечислению, но не по значению содержательная особенность древнетюркских рунических текстов – их хронологическая аутентичность. Рукописные произведения чаще всего доходят до нас в списках, копиях. Огромная «Сутра золотого блеска», найденная С.Е. Маловым в Северо-западном Китае в 1910 г. и изданная им совместно с В.В. Радловым в Петербурге, является списком конца XVII в. Впоследствии, среди турфанских рукописных приобретений, западноевропейские ученые стали опознавать фрагменты этой же сутры, близкие ко времени создания древнеуйгурского перевода «Золотого блеска» – к X в., но и это были фрагменты разных списков.

Другой, пример – великое стихотворное произведение XI в «Кутадгу билиг», тоже дошло до нас в списках: один – XIV в., другой – XIII в. и третий, древнейший из них – копия конца XII или первой половины XIII в.

Наличие списков заставляет современных ученых проводить достаточно сложную работу по их пословной сверке и получении так называемого критического текста, максимально, как

полагают, приближенного к оригиналу. Чувствительная точка этой проблемы – сняты копии, дошедшие до исследователей, непосредственно с оригинала либо восходят к первичным, вторичным и т.д. копиям. Но, плохо и в противном случае: когда произведение не имеет списков, хотя и представлено не оригиналом. Таков именно Словарь Махмуда Кашгарского, существующий в единственной рукописи, списанной, как утверждает переписчик с оригинала, но почти на два века позднее.

В этом пункте проходит коренное отличие рукописных и камнеписных текстов. Камень представлялся людям «вечным» материалом, и хотя он не всегда таковым оказывался в действительности, в истории неизвестно случаев, когда бы в более позднее время создавались какие-либо повторы текстов. Отсюда два противоположных, в определенном смысле, вывода. Первый, и главный: в случае древнетюркских рунических камнеписных текстов, исследователь, всегда имеет дело с оригиналом времени создания памятника. Второй и не столь приятный: отсутствие копий приводит к тому, что утрата части или всего текста в результате разрушения письменной поверхности камня становится невозможной.

По второму выводу в отношении древнетюркских рунических памятников есть одно счастливое исключение. Текст надписи в честь Кюль-тегина, написанный от имени его старшего брата Бильге-кагана и звучащий в 1-м л. ед. ч., стечением обстоятельств и волею наследников, был повторен и в его собственной эпитафии. Есть несколько мест из тех, что повреждены на стеле в честь Кюль-тегина, которые ученые восполняют по идентичным пассажирам из надписи в честь Бильге-кагана. Но это единственное исключение, которое, как обычно, только подтверждает правило: повреждения камня фатальны для камнеписного текста.

Есть еще одна сторона хронологического аспекта древнетюркских памятников, и она связана с датированием каждого конкретного памятника, поскольку, как только что сказано, каждый такой памятник несет в себе – в большей или меньшей степени – историческую информацию. Для исторической науки всегда ценно и важно, чтобы события, упоминаемые в источнике, получали как можно более точное определение во времени. Но это же требуется и для собственно филологии, для такой ее особой дисциплины. Однако, потребностям истории и палеографии препятствует одно весьма печаль-

ное обстоятельство: практически все тюркские памятники древнейшей поры не имеют дат своего создания/написания. Не имеют четко выраженных дат и рунические надписи. Опять же – за одним счастливым исключением.

Это исключение – памятник в честь Кюль-тегина. В нем (но не в тюркской, а в китайской надписи памятника) содержится указание на китайское геральдическое исчисление событий по годам девизов правления императоров. Девизы всех китайских императоров собраны и зафиксированы еще древними-историографами, потому подобные даты точно и однозначно переводятся на современный календарь. В китайском тексте сказано, что китайская государственная делегация на открытие мемориала в честь Кюль-тегина прибыла «в 20-й год *кай-юань*». Такой девиз относится к правлению императора Тайцзу, его первый год соответствует 712 г. н.э., значит, двадцатый приходится на 732 г. В тюркской надписи памятника сказано, что здание поминального храма, скульптуры и камень с надписью завершены в «год обезьяны». 732 г. в исчислении по животному циклу действительно соответствует «году обезьяны».

Эта единственная идентификация неопределенной даты животного цикла позволяет произвести точный пересчет еще свыше десятка хронологических указаний текста «Кюль-тегина». Пересчет оказывается возможным благодаря тому, что в заключительной части текста сказано: Кюль-тегин умер в «год овцы» в возрасте 47 лет; «год овцы» бывает накануне «года обезьяны», т.е. это был 731 г., ближайший к 732 – году открытия мемориала. Следовательно, год рождения Кюль-тегина: $731 - 47 = 684$. Ведя рассказ о жизни и подвигах Кюль-тегина, его старший брат каган Бильге приурочивает некоторые эпизоды к годам жизни брайга Кюля: «когда Кюльтегину было 21 год, мы сразились с генералом Чача» или: «когда Кюльтегину было 26 лет, мы пошли войной на кыркызов» и т.д. Через выяснение даты рождения Кюль-тегина (684 г.) сражение с Чачем получает абсолютную дату – 705 г., а поход на кыркызов – 710 г. и т.д. Начинается биографический цикл Кюль-тегина с упоминания: «когда умер мой отец, Кюльтегину было семь лет», следовательно это был 691 г. Из китайских исторических источников известно, что Ильтериш-каган, восстановивший Тюркский каганат в 682 г., действительно умер в 691 г.

Кроме памятника в честь Кюль-тегина, ни один древнетюркский текст больше не содержит прямой или косвенной (как в «Кюльтегине» –

через китайский текст) абсолютной даты. Датирование текстов производится оценочно, по нескольким аспектам: а) исторически – путем соотнесения упоминаемых в текстах событий с другими историческими источниками, в первую очередь с древнетюркскими текстами – «Кюльтегином» и другими памятниками, после того как они сами получают хронологическую оценку, а также с китайскими историческими хрониками; б) археологически – при наличии материальных остатков, связанных с памятником и оцененных археологической наукой; в) лингвистически – путем оценки языковых и палеографических особенностей.

При каждом историческом виде письма существует вспомогательная дисциплина, изучающая формы письменных знаков, их эталонные модели, а также временные и территориальные вариации. Эта дисциплина – палеография (от греч. слов *палео* «древнее» и *графа* «пишу»). Важнейшая задача палеографии, как следует из ее названия, – определять более древние формы знаков, отличать их от более поздних (более молодых) форм, а также фиксировать появление в алфавите новых знаков. Такая работа преследует практическую, но очень важную цель, возникающую при изучении древних письменных памятников, – определять приблизительно возраст тех из них, которые не имеют даты своего создания или написания (переписывания). Подобная задача технически решается следующим образом.

На основе анализа начертаний букв в памятниках, прямо или косвенно-датируемых, составляются таблицы графических поэлементных изменений тех знаков алфавита, эволюция которых заметна и может быть распределена на два или несколько этапов. Только благодаря хронологической определенности «опорных», взятых для анализа памятников, полученные этапы ва-

рирования знаков получают хронологическую привязку, типа: «так этот знак писался начиная с такого-то времени, а так – с такого-то». Определенное написание знака в определенное время получает в палеографии статус датирующей приметы: если знак писался так-то в такое-то время, то памятник, содержащий подобную форму знака, может быть датирован этим временем. Временным индикатором может служить особый знак, появляющийся в памятниках данного письма с какого-то определенного времени, либо новая функция старого знака. Тогда памятники, содержащие подобные особенности, могут быть отнесены «ко времени не ранее» появления таких новых знаков или функций. Чем больше в алфавите подобных датирующих примет, тем надежнее и точнее возможности датирования памятника – предположительного отнесения времени создания или написания памятника к определенному историческому периоду.

О том, что обращаться с датированием памятников по палеографическим приметам надо осторожно, соблюдая меру и благоразумие, говорит и такой казус в истории тюркской рунологии.

Таким образом, язык древнетюркских, рунических памятников, особенно памятников образцовых, уже названных, и некоторых других, настолько великолепен, что наши великие рунологи-предшественники – В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, С.Н. Малов, А.Н. Кононов и др. – были твердо убеждены в следующем: для того, чтобы выработался такой язык, должно было пройти века два-три. Также, в связи с ранее бытовавшей ошибочной оценкой большей древности енисейских рунических памятников в сравнении с орхонскими, начала тюркского, письменного творчества иногда предположительно относили к V в. н.э., что фактических оснований, как оказалось впоследствии, не имеет.

Литература

- 1 Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. – Черкесск, 1993.
- 2 Артамонов М.И. История хазар. – СПб.: Филол. фак. СПб гос. ун-та, 2002. – 560 с.
- 3 Добродомов И.Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. – М., 1967. – 374 с.
- 4 Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1976. – 444 с.

References

- 1 Lajpanov K.T., Miziev I.M. O proiskhozhdenii tyurkskikh narodov. – Cherkessk 1993 g.
- 2 Artamonov M.I. Istoriya hazar. – SPb.: Filol. fak. SPb gos. un-ta, 2002. – 560 s.
- 3 Dobrodomov I.G. Nekotorye voprosy izucheniya tyurkizmov v russkom yazyke // Voprosy leksiki i grammatiki russkogo yazyka. – M., 1967. – 374 s.
- 4 SHipova E.N. Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke. – Alma-Ata: «Nauka» KazSSR, 1976. – 444 s.